

16. См.: Там же. С. 27-30.

17. См.: Хорхордина Т.И. Архивы в «Зеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Советская историография. М., 1996. С. 201-202.

Tatiana G. Shumkina

Shumkina Tatiana, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: shumkina.77@mail.ru.

Formation and development of Soviet historical science in 1917-1930

Article is devoted to the establishment of historical science in Soviet Russia in the 1917-1930. The author considers the problem of training for Soviet historical science, the formation of theoretical and methodological foundations of Soviet historiography, the formation and development of Soviet historical periodicals, archives reorganization.

Keywords: Soviet Russia, Soviet historical science, periodicals, historiography, archival science.

Б.А. Сутырин

Сутырин Борис Алексеевич, профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук, профессор.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34.

ПОРТРЕТ Т.Н. ГРАНОВСКОГО В ИНТЕРЬЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ (Материалы к спецкурсу)

В статье кратко рассматривается научно-педагогическая деятельность русского историка Т. Н. Грановского. Особое внимание автор статьи уделяет образу Грановского, запечатлевшемуся в воспоминаниях его современников и, более сжато, его философии истории.

Ключевые слова: Т. Н. Грановский, А. И. Герцен, С. М. Соловьев, философия истории, русская историческая наука.

Приближается 200-летие со дня рождения Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855), одного из зачинателей глубокого изучения всеобщей истории в России и первого русского медиевиста. Его имя неразрывно связано с историей Московского университета, профессором которого он был с 1839 г. до конца своей жизни.

В отечественной исторической мемуаристике сохранились ценные воспоминания учеников и современников Грановского (1). Но изучение его научной, педагогической и общественной жизни началось только со второй половины XX в. (2), это дает возможность представить сегодня его исторический портрет в более развернутом виде.

Важно, прежде всего, остановиться на том, как началась его научно-педагогическая деятельность Грановского. В годы обучения на юридическом факультете Петербургского университета (1832–1835) вышла в свет его первая научная статья «О нынешнем состоянии поваренной промышленности и гастрономии в Европе», а первая работа на историческую тему появилась в 1835 г. в «Журнале министерства народного просвещения»: «Судьбы еврейского народа от падения Маккавеев по настоящее время». По окончании учебы в университете Грановский по рекомендации друзей принял предложение попечителя Московского учебного округа С.Г. Строганова продолжить образование в Германии, чтобы после возвращения занять кафедру всеобщей истории в Московском университете. В Берлинском университете он слушал лекции профессоров-гегельянцев, в том числе историка Л. Ранке. Высоко оценивая философию Г. Гегеля в целом, Грановский критически отнесся к его философии истории, считая несправедливым мнение философа о том, что «история никогда и никому не приносила пользы, и ни один народ не воспользовался ее уроками» (3).

В 1839 г. Грановский возглавил кафедру всеобщей истории Московского университета. Он приступил к руководству кафедрой с мыслью, что преподавание истории должно иметь не только учебное и научное значение, но и воспитательное. Сам Грановский говорит: «Мне кажется, что я могу действовать именно словом. У меня есть красноречие, теплая душа и убеждения и уверенность в успехе будущих студентов» (4). 16 лет Грановский был подлинным учителем и наставником молодежи. Он читал лекции по истории западного средневековья, древнего мира и нового времени, а также по истории Французской революции. В 1843/44 и 1845/46 гг. он прочитал первые публичные лекции и имел успех у всей образованной Москвы.

Грановский не обладал блистательными ораторскими данными. Голос его был слаб, дикция не очень отчетлива, изложение материала просто, без особых прикрас. Но слушателей привлекала эта простота.

ясность, а главное – искренность и глубокая убежденность. Его современникам запомнился внешний облик этого человека: красивое доброе лицо в рамке длинных кудрей, мягкость выражений и жестов, тихий проникновенный голос. «Вчерашняя лекция Грановского. – вспоминал А.И. Герцен. – Какое благородство языка. смелое, открытое изложение! Были минуты, в которые его речь поднималась до вдохновения. Речь шла о философии истории... Когда кончилась лекция. всё порядочное в аудитории с восторгом изъясляло свою благодарность профессору. Это один из лучших дней в жизни Грановского...» (5).

Портретную зарисовку внешнего облика Грановского очень ярко и зримо дополняет воспоминание русского писателя и журналиста И.И. Панаева (1812–1862): «Черты лица его были крупны и неправильны: нос и губы толстые – лицо это не имело ни вульгарной внешней красоты, которая поражает с первого раза; но его большие глубокие, темные глаза с меланхолическим оттенком, с надвинутыми густыми и широкими бровями, его открытый лоб, почти черные волосы, зачесанные назад и доходившие до плеч, его грустная добродушная, кроткая улыбка – все это вместе поражаало той внутренней красотой, в которую чем более вглядываешься, тем более она кажется привлекательною. В его движениях, взглядах, голосе, манере говорить (он несколько прищипывал, что несколько не портило его) было что-то неотразимо симпатичное. Все женщины были от него в восторге; все мужчины, даже враждебные его убеждениям, не могли не питать к нему личной симпатии»(6).

Воспоминания писательницы, близкой родственницы и друга детства Герцена Т.П. Пассек (Кучиной) (1810–1889) хорошо дополняют портрет Грановского, подчеркивая высокую внутреннюю культуру ученого: «Кто только знал Грановского, тот не мог не любить его. Это был человек не только замечательно умный, но и в высшей степени чистый, благородный, симпатичный и с таким сердечным тактом, что никогда не коснулся неловко до дружеских отношений. Кроткий, спокойный, снисходительный, он был центром, примиряющим и соединяющим готовых разойтись. Его благотворное влияние на дружеский круг, университет и вообще на молодое поколение того времени – пережило его самого» (7).

Среди воспоминаний современников особо следует выделить «Записки» С.М. Соловьева (1820–1879) – классика русской исторической науки. Его мемуары расширяют наши представления о Грановском. Это – взгляд одного из студентов университета: «Когда мы перешли на второй курс, то приехал из-за границы Грановский, начавший читать среднюю и новую историю. Грановский... не был самостоятелен, являлся поклонником Гегеля, но был художник первоклассный в историческом изложении» (8).

Соловьев не мог пройти мимо, не остановившись на портретной характеристике молодого преподавателя: «Грановский имел малороссийскую южную физиономию; необыкновенная красота его производила сильное впечатление не на одних женщин, но и на мужчин. Грановский своей наружностью всего лучше доказывает, что красота есть завидный дар, очень много помогающий человеку в жизни. Он имел смуглую кожу, длинные черные волосы, черные огненные, глубоко смотрящие глаза. Он не мог... похвастать внешней изящностью своей речи: он говорил очень тихо, требовал напряженного внимания, заикался, глотал слова, но внешние недостатки исчезали пред внутренним достоинством речи, пред внутренней силой и теплотой, которые давали жизнь историческим лицам и событиям... Изложение Грановского можно сравнить с изящною картиной, которая дышит теплотой, где все фигуры ярко расцвечены, говорят, действуют пред вами» (9).

Его лекции привлекали слушателей неизменным внутренним протестом ученого-гуманиста против деспотизма, всяческого угнетения. По этому поводу близкий друг Грановского А.И. Герцен писал: «Он думал историей, учился историей и историей в последствии делал пропаганду» (10). В Грановском удачно сочтались талантливый ученый-пропагандист и прогрессивный общественный деятель.

Грановский был связан с разными направлениями общественной жизни. Осенью 1839 г. он сблизился с кружком друзей Н.В. Станкевича (1813–1840) (М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, В.П. Боткин), который, объединившись с молодыми профессорами П.Г. Редкиным и Д.Л. Крюковым, а также А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, стал с конца 30-х гг. оплотом московских западников. Взгляды Грановского как одного из видных представителей западничества оформились в процессе научно-педагогической и общественной деятельности. Главное в них – убеждение в единстве исторического процесса, в основе которого лежало стремление всех народов к свободе, к «гармоническому обществу», сообразному с требованиями «нравственной, просвещенной, независимой от роковых решений личности».

Движущей силой исторического процесса Грановский считал возникающие в обществе противоречия. Путь к их разрешению он видел в нравственном совершенствовании личности и лишь в исключительных случаях – в насильственных действиях. История, по Грановскому, «помогает угадывать под оболочкой современных событий аналогии с прошедшими и постигать смысл современных явлений». Исходя из этого тезиса слушатели лекций Грановского находили в них аналогии с российской действительностью, осуждение крепостничества и самодержавия.

Против исторических взглядов Грановского выступили как сторонники «официальной народности», так и славянофилы; и те и другие критиковали его за приверженность к гегелевской школе и за отсутствующие противопоставления православной России Западу. Отвечая славянофилам, Грановский доказывал несправедливость их утверждений об оторванности послепетровской России от ее исторических корней.

Свои исторические взгляды Грановский попытался привести и в программу по всеобщей истории для гимназий в 1850 г., но она была оставлена «без последствий». В 1851 г. он подготовил записку «Об ослаблении классического образования в гимназиях», но и она не получила хода. В том же году он был избран деканом исторического факультета Московского университета, но не был утвержден властями в этой должности.

Эволюция исторических взглядов Грановского нашла свое отражение в его речи: «О современном состоянии и значении всеобщей истории», в которой отразилось влияние идей позитивистов на него и его знакомство с успехами естественных наук. Он не признавал «абсолютную идею» главным двигателем исторического процесса. Критикуя Гегеля, Грановский высказал надежду на возникновение новой методологии, учитывающей связь природы и истории, способной «достигнуть до ясного знания законов, определяющих движение исторических событий» (11).

В жизни Грановского важную роль в его становлении как историка и общественного деятеля сыграла дружба с Герценом. В их переписке сохранилось много интересных мест, свидетельствующих о взаимоотношениях этих выдающихся людей. Так в 1849 г. Герцен писал Грановскому: «...Ты останешься, как был, самый любящий и самый близкий из друзей мне и Ог[ареву]: он тебя называл некогда «нашей сестрой», именно по тому элементу нежности, который сохранился в тебе» (12).

В романе-хронике «Былое и думы» Герцен писал после расправы властей над петрашевцами: «... Россия онемела. Тогда-то, долго терпевший и не видя выхода, Грановский, утомленный, измученный, благословил судьбу умершего Белинского и завидовал его смерти!... Тогда-то он, страстно любивший Россию, просил найти ему какую-нибудь кафедру в Бельгии, потому что если и были у него силы умереть за Россию, то жить в ней не было больше сил» (13).

Через два года в этом же произведении Герцен приводит отрывок из письма Грановского ему: «... Много порядочных людей впаю в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее. Когда же развалится этот мир?» И он прибавляет: «Слышен глухой общий ропот; но где силы? О, брат, как тяжело бремя нашей жизни!» (14).

Следует сказать, что Грановский в своих откровениях очень доверял Герцену, но бывали случаи и несогласия. Так, Грановский скептически отнесся к заграничным изданиям Герцена и был намерен полемизировать с ним на страницах «Полярной звезды». Но смерть его прервала эти намерения. Грановский умер 7 октября 1855 г.

Этот эпизод полемичности в отношениях Герцена и Грановского был достаточно полно освещен учеником Грановского Б.Н. Чичериным (1828–1904), который считал, что Грановский в полемике был прежде всего историком, а Герцен – политиком, резко выступавшим против деспотизма и сочувственно к первым проявлениям социализма. «Но, когда в 48-м году социализм выступил на сцену как фанатичная пропаганда... Грановский не последовал за радикальными увлечениями Герцена, а напротив, приходил в негодование от взглядов, выраженных в "Письмах с того берега" или в "Полярной звезде" (15).

Грановский, будучи верующим человеком, достаточно толерантно относился к религии, но старался не говорить в своих лекциях о воле Божьей. Такая позиция не устраивала влиятельного Московского митрополита Филарета. И это едва не привело к запрету лекций. Но благодаря поддержке столичной общественности все обошлось благополучно. Об этом случае Грановский писал своему другу Я. Неворову: «Сам я не уйду. Ты знаешь, я не из тех, кто бегает от опасностей. Тяжело, брат. Близкие ушли, кто совсем, а кто далеко. Кругом пустота. Что же делать? Будем делать свое маленькое дело, а там что будет» (16).

Известно, что только смерть Николая I в феврале 1855 г. положила конец преследованиям Грановского со стороны властей и церкви. Недаром, встретившись на другой день после смерти царя в университетской церкви с С.М. Соловьевым, Грановский заметил: «Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно, что мы с Вами живы» (17).

Портретную зарисовку образа Грановского в дореволюционной историографии можно завершить статьей В.О. Ключевского (1841–1911), написанной в 1905 г. к пятидесятилетию со дня смерти Грановского. Она была напечатана в газете «Русские ведомости». «История, – писал Ключевский, – сохраняя в чтениях Грановского свой строгий характер науки, становилась учительницей жизни. Это Грановский научил свою аудиторию ценить научное знание как общественную силу... Грановский сумел сохранить... веру и любовь, остался рыцарем, как его называли, благороднейшим крестоносцем, шедшим беззаветно к своей обетованной цели, без надежды на победу, но и без страха перед поражением» (18).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Герцен А.И. Былос и думы. Ч. 4-5 // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. М., 1957. Т. 9-10; Пассек Т.П. Из дальних лет // Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956; Герцен А.И. Соч. в 9 тт. Т. 9. Дневник 1842-1845 гг. М., 1958. Письма 1832-1870 гг.; Панаев И.И. Литературные воспоминания. Ч. 2 (1839-1847). Глава 5 // Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956; Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982. Ключевский В.О. Памяти Т.Н. Грановского // Ключевский В.О. Соч. в 9 тт. М., 1989. Т. 7. С. 298-302; Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. 18. Работы разных лет. М., 1995.
2. Гутнова Е.В. Грановский как историк // Грановский Тимофей Николаевич. Библиография. М., 1969; Дмитриев С.С. Грановский и Московский университет. М., 1969; Гутнова Е.В. Т.Н. Грановский об исторической науке // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Дмитриев С.С. Грановский и русская общественность // Грановский Т.П. Лекции по истории средневековья. М., 1986; Каменский З.А. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988; Косминский Е.А. Памяти Т.Н. Грановского // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963; Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989; Он же. Время Грановского: у истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990; Маслова П.В., Агеева И.В. Русская история в научном наследии Т.Н. Грановского // Отечественная история. 1993. № 4; Гутнова Е.В. Тимофей Николаевич Грановский // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., 2000. С. 107-115; Свалов А.Н. Грановский Тимофей Николаевич // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 155-164.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2001. С. 61.
4. Грановский Т.Н. Сочинения. 4-е изд. М., 1906. Т. 1. С. 28.
5. Герцен А.И. Сочинения в 9 тт. Т. 9. С. 131.
6. Панаев И.И. Указ. соч. С. 97.
7. Пассек Т.П. Указ. соч. С. 58.
8. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 564.
9. Там же. С. 565.
10. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. Т. 23. С. 182.
11. Там же.
12. Герцен А.И. Сочинения в 9 тт. Т. 8. С. 46.
13. Там же. С. 147.
14. Там же. С. 177.
15. Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 75.
16. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 643.
17. Там же.
18. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 301.

Boris A. Sutyryn

Sutyryn Boris, professor of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34.

Portrait of T. N. Granovsky in interior contemporary memoirs

The article briefly discusses the research and teaching activities of the Russian historian T. N. Granovsky. Particular attention author pays Granovsky's image preserved in the memoirs of his contemporaries and (more succinctly) he considers Granovsky's philosophy of history.

Keywords: T. N. Granovsky, A. I. Herzen, S. M. Soloviev, philosophy, history. Russian historical science.